Иная

Северный ветер

Чужая в Хельгруде

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Мадам Шуа

Мадам Шуа

Иная. Северный ветер. Чужая в Хельгруде

«Автор»
2026

Шуа М.

Иная. Северный ветер. Чужая в Хельгруде / М. Шуа — «Автор», 2026

Её мир рухнул в один миг. Портал, снег, чужие лица. Теперь она — Дария Хельгруд, приёмная дочь северного герцога. Она должна выучить язык, освоить меч и раскрыть заговор. И сделать это раньше, чем яд убьёт того, кто стал ей братом. Но северный ветер холоден, а враги не дремлют. Сможет ли девушка из другого мира стать своей там, где чужаков не любят? И что скрывается за словами мальчика, который говорит: «Ты светишься»?Первая книга цикла «Иная». История о падении, выживании и обретении дома.

© Шуа М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация 5
Пролог 7
Глава 1. Краснодарское утро 8
Глава 2. Самолёт и чужие земли 14
Глава 4. Портал 19
Глава 5. Снег 23
Глава 6. Голод и холод 26
Глава 7. Дым 28
Глава 8. Бред 33
Глава 9. Пробуждение 38
Глава 10. Первый разговор 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Мадам Шуа
Иная. Северный ветер. Чужая в Хельгруде

Аннотация

Дарья не искала приключений. У неё была работа в рекламном агентстве, уютная квартира в Краснодаре и рыжий персидский кот Бусильдорф, который считал себя главным в доме. Очередная командировка в Новую Зеландию — всего лишь способ сделать красивую рекламу для эко-гостиницы. Но древние руины, покрытые загадочными письменами, хранили не только историю.

Портал. Белый свет. Падение в снег.

Она приходит в себя в незнакомом мире, где зима длится девять месяцев, где люди живут до четырёхсот лет, а магия — не сказка, а реальность. Здесь, на краю сурового северного королевства Дримрут, её находят обитатели замка Хельгруд.

Герцог Рейнхард — суровый воин, привыкший выражать любовь не словами, а делами. Герцогиня Эльза — мудрая женщина, которая давно молила богов о дочери. И Карл — их десятилетний сын, болезненный, замкнутый, но видящий то, чего не видят другие. Он говорит, что она «светится».

Дарья получает новое имя — Дария Хельгруд — и становится приёмной дочерью северного дома. Ей предстоит выучить чужой язык, освоить этикет, научиться держать меч и ездить верхом. Она ищет своего кота, который прошёл через портал вместе с ней, и находит волчонка, которому даёт имя Вихрь.

Но в замке не всё спокойно. Карл болен, и его болезнь не похожа на обычную слабость. Дария, чья память хранит знания другого мира, начинает подозревать худшее. Заговор, яд, предательство — всё это она должна раскрыть, чтобы спасти мальчика, который стал ей братом.

Первая книга — это путь от «никого» до «дочери Севера». История о том, как обрести семью там, где не ждал, и о том, что иногда самые сильные воины — это те, кто умеет любить.

Первая книга цикла «ИНАЯ» знакомит читателя с миром Фарсии, его расами и законами. Это история взросления, обретения себя и первой любви, которой ещё предстоит пройти через годы ожидания.

ИНАЯ
СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР
ЧУЖАЯ В ХЕЛЬГРУДЕ

Пролог

Она упала в снег с неба, которого не знала.

Снег был чужим. Он падал не так, как в её мире, — медленнее, тяжелее, будто каждый снежинок весил больше, чем положено. Или это ей казалось, потому что она сама стала легче. Или тяжелее. Она не знала. Она ничего не знала в этом мире.

Последнее, что она помнила, — свет. Белый, плотный, как расплавленное стекло. Он вырвался из трещины в древнем камне, накрыл её, поднял, разорвал на миллион кусочков. А потом были только холод и тишина.

Она не знала, что её падение видели. Не знала, что в тот же миг, когда свет поглотил её, на другом конце мира мальчик с печальными глазами открыл свои и прошептал: «Она пришла». Не знала, что её рыжий кот, который спал у неё на коленях, исчез вместе с ней и будет искать её через снега и леса, через горы и пустыни, пока не найдёт. Не знала, что её кровь — та самая, простая, человеческая — в этом мире была редкостью, которой охотились, которую ценили, которую боялись.

Она ничего не знала.

Она лежала в снегу, и ветер сдувал с её лица розовые пряди, и где-то далеко, за горами, за пустынями, за морями, которые ей только предстояло пересечь, её ждали. Ждали те, кто станет её семьёй. Ждали те, кто станет её любовью. Ждали те, кто научит её быть сильной. И те, кто научит её ждать.

Мир Фарсии стоял на пороге войны. Четыре великие страны — Север, Юг, Запад, Восток — жили в шатком мире, который мог рухнуть от одного неверного шага. Расы — люди, оборотни, атиллы, эльфы, дроу, вампиры, наги, драконы — делили земли, ресурсы, власть. И в этот мир, в самый его центр, упала она.

Она не знала, что её появление было предсказано тысячу лет назад. Не знала, что древние свитки хранят пророчество о мирцелле — той, чья кровь соединит расы, чья любовь остановит войны, чьи дети станут мостом между народами. Не знала, что её ждут не только враги и союзники, но и те, кто полюбит её на всю жизнь — а в этом мире жизнь длится сотни лет.

Она лежала в снегу, и мир замер в ожидании.

Потому что иногда, чтобы изменить всё, достаточно того, чтобы одна девушка с розовыми волосами и рыжим котом упала в чужой снег.

Из древнего свитка, хранящегося в библиотеке Ранаты:

«И придёт она из-за грани миров. Её кровь будет белой, как лунный свет, ибо она — мирцелл. Её сердце будет вмещать любовь многих, ибо она — мирцелл. Её дети будут сильны, как драконы, мудры, как эльфы, верны, как оборотни, и долгоживущи, как атиллы. Она соединит то, что было разъединено. Она принесёт мир туда, где была война. И имя её будет начертано в свитках на все времена».

Так начинается история Дарии Хельгруд, мирцелла, дочери Севера, жены падишаха Ранаты, той, кто пришла из другого мира и нашла свой дом.

Глава 1. Краснодарское утро

Окна квартиры на шестом этаже хрущёвки на Северной улице запотели изнутри — верный признак того, что за окном минус пять, а батареи, как всегда, работают на треть мощности. Дарья стояла босиком на тёплом коврике перед зеркалом в прихожей, перекидывая через плечо влажные после душа волосы. Нежно-розовый цвет, который она обновляла раз в три недели у любимого мастера Леночки, сегодня казался особенно ярким: утренний свет из кухни падал на пряди, и они светились, словно сахарная вата на ярмарке.

Она повернулась к зеркалу боком, критически оглядывая себя. Рост сто шестьдесят — в её мире это означало вечную проблему с джинсами, которые приходилось укорачивать, и стойку «малышка» в аптеке, куда она ходила с таким видом, будто ей всё ещё шестнадцать. Маленькие ступни, тридцать пятого размера, — проклятие любой обувной примерки. В детстве мама водила её по всем магазинам города в поисках туфель на выпускной, и каждый раз Дарья выходила из примерочной с красными глазами. «Ничего, — утешала мама. — У Золушки тоже была маленькая ножка. И ничего, принц нашёл». Дарья тогда закатывала глаза, но сейчас, спустя годы, думала об этом с тёплой усмешкой.

Маленькие ладони — в школе мальчишки дразнили «ручки-загребучки», пока она не показала им пару приёмов из цирковой студии, после чего дразнить перестали. Она вообще в детстве была разносторонним ребёнком: цирковая студия на Ставропольской, драмкружок во Дворце культуры, вокал в музыкальной школе. Мама говорила, что у неё «золотые руки и серебряный голос», а папа просто улыбался и носил её на плечах после каждого выступления.

Она была девушкой в теле, но не толстой. В её фигуре были приятные округлости — мягкие бёдра, полная грудь, талия, которую можно было обхватить ладонями, если постараться. В эпоху "моделек-фитоняшек" её параметры считались чем-то средним между «аппетитно» и «надо бы похудеть к лету», но Дарью это никогда особенно не волновало. Она нравилась себе. Нравились её выразительные черты лица — высокие скулы, пухлые губы, курносый нос, который достался ей от отца. Нравились зелёные глаза с пушистыми ресницами — мамина порода, «сибирские кошки», как шутил отец. Нравился прокол в левой ноздре — маленькая серебряная точка, которую она сделала в двадцать три, решив, что возраст «такого не прощает» — это миф. И нравились уши: шесть проколов на каждом, с тонкими серебряными колечками и крошечными голубыми фианитами, которые она меняла в зависимости от настроения.

— Буся! — позвала она, не оборачиваясь. — Бусильдорф, я сказала «нельзя на подоконник»!

С подоконника в спальне донеслось утробное «мррр», полное такого глубокого презрения к человеческим запретам, что Дарья невольно улыбнулась. Персидский кот, рыжий, пушистый и наглый, как мелкий чиновник царских времён, сидел на самом солнцепёке и смотрел на неё своими янтарными глазами с выражением «ты мне не указ». Пять лет назад она выбрала его из помёта, потому что он первым полез к ней, царапая маленькой лапой стекло террариума. С тех пор Бусильдорф был её тенью, её нервным окончанием, её единственным постоянным мужчиной в доме. Он спал у неё на подушке, требовал еду в шесть утра независимо от выходных, встречал её у двери с таким видом, будто она отсутствовала не восемь часов, а восемь лет, и категорически отказывался признавать, что он — просто кот.

— Я уезжаю на две недели, — напомнила она коту, хотя прекрасно знала, что он всё понимает. Буся в ответ демонстративно отвернулся и начал вылизывать лапу. — Я серьёзно. Две недели. Ты поедешь со мной, не ной.

Она не любила оставлять его одного. Даже на день. Даже на несколько часов. Когда она работала из дома, Буся сидел на её столе, положив голову на клавиатуру, и смотрел на неё с таким видом, будто говорил: «Ты можешь писать что угодно, но я главный здесь». Когда она

уходила в офис, он провожал её до двери, садился на коврик и смотрел на закрытую дверь с выражением, которое Дарья называла «кошачья депрессия».

Две недели. Самая длительная командировка за всё время работы в «ХотсВижн». И, пожалуй, самая странная.

«ХотсВижн» была рекламной компанией средней руки — не гигант вроде BBDO, но и не «шарашкина контора», как выражался отец. Они специализировались на туристическом маркетинге: красивые видео, продуманные легенды, упаковка впечатлений в товар. Дарья попала сюда после университета — рекламный факультет КубГУ, красный диплом, стажировка в местном агентстве, а потом этот звонок от Аркадия Семёновича, который искал «человека с горящими глазами и холодной головой». Она подходила идеально.

— У тебя есть то, чему не учат в вузах, — сказал он ей на собеседовании. — Ты умеешь рассказывать истории. А хорошая реклама — это всегда история.

За пять лет она сделала десяток успешных кампаний: глэмпинги в горах Сочи, винные туры по Кубани, гастрономические выходные в Абхазии, эко-тропы в Кавказском заповеднике. Каждый раз она ездила на объект лично, потому что верила: нельзя продать то, чего ты не видел, не трогал, не вдыхал. Она лазила по скалам, спала в палатках, торговалась с местными фермерами, училась готовить адыгейский сыр и различать сорта чая по запаху. Её командировочные всегда были самыми дорогими в отделе, но и результаты — самыми высокими. Аркадий Семёнович закрывал глаза на перерасход, потому что знал: если Дарья берётся за проект, он будет сделан не просто хорошо — он будет сделан с душой.

И вот теперь — Новая Зеландия. Заказ от эксцентричного отельера, который выкупил участок земли возле старых руин в глубине Северного острова и построил там эко-гостиницу. «Экзотика, мистика, полное погружение в природу», — так сформулировал задачу Аркадий Семёнович, протягивая ей билеты.

— А что за руины? — спросила Дарья, листая скупое техзадание.

— Какое-то древнее городище. Местные маори считают его табу, но наш клиент — человек практичный. Говорит, туристам нужны красивые легенды. Твоя задача — сделать так, чтобы эти легенды продавали.

— А если там действительно что-то есть? — усмехнулась она.

— Дарья, — Аркадий Семёнович посмотрел на неё поверх очков. — Мы продаём впечатления, а не археологию. Сделай красиво.

Она сделает. Она всегда делала красиво.

Зазвонил телефон. Дарья глянула на экран — мама. Видеозвонок, как всегда, в восемь утра, потому что Татьяна Петровна была из тех людей, которые считают, что если ты не позавтракал до девяти, день прошёл зря.

— Привет, мам, — Дарья нажала зелёную кнопку и прислонила телефон к зеркалу.

— Дочка, ты собралась? — Татьяна Петровна была на кухне, в своём любимом халате с цветами, с чашкой чая в руке. На заднем плане маячил отец, который делал вид, что читает газету, но на самом деле подслушивал. — Я смотрела прогноз погоды в Новой Зеландии, там в горах холодно, ты взяла что-нибудь тёплое?

— Мам, там сейчас лето.

— Лето летом, а я мать, мне виднее. Ты всегда была у меня такой: в цирк пойдёшь — майку наденешь в октябре, я потом тебя отхаживаю. Помнишь, как ты в драмкружке играла Снегурочку и вышла на сцену без колготок?

— Мам, мне было семь лет.

— Семь или двадцать девять — разницы нет. Где твоя белая шуба?

— В чемодане.

— А тёплый костюм?

— Тоже в чемодане.

— А шапка?

— Мам, в Новой Зеландии никто не носит шапки.

— Ну и правильно, потому что у тебя волосы красивые, зачем их прятать. Ты, кстати, цвет не забыла взять? А то отрастёт, будешь как я, седая.

— У тебя не седые волосы, у тебя платиновый блонд, — терпеливо сказала Дарья. — И я взяла краску. И уход. И всё, что нужно.

Татьяна Петровна, бывший учитель литературы, а ныне счастливая бабушка двух внучек (обеих, на радость семейству, погодок), до сих пор не могла смириться с тем, что единственная дочь выбрала не педагогический и не филологический, а рекламный факультет. «Ты же в цирковой студии занималась, в драмкружке, вокал, — вздыхала она. — Столько талантов, и всё в рекламу». Дарья не спорила. Она любила свою работу, любила придумывать истории, которые заставляли людей хотеть что-то купить, куда-то поехать, к чему-то прикоснуться. В конце концов, хорошая реклама — это тот же спектакль, только зритель не знает, что он зритель.

В трубке послышалось шуршание, и лицо отца заняло полэкрана. Александр Игоревич, бывший военный, а ныне владелец небольшой автомастерской, был человеком немногословным. Он не умел говорить долго по телефону, не умел выражать чувства словами, но каждое его появление в кадре означало, что он волнуется.

— Документы взяла? — спросил он без предисловий.

— Взяла, пап.

— Страховку?

— И страховку.

— Деньги? И наличные, и карты?

— И деньги.

— Аптечку?

— Пап, я уже большая девочка.

— Большие девочки тоже болеют. И падают. И теряются. — Он помолчал. — Ты смотри там, в эти руины свои не лезь, если что. Сделала фотографии — и назад. Поняла?

— Поняла.

— Позвони, когда долетишь. И когда в гостиницу заселишься. И перед вылетом обратно. И…

— Пап, я позвоню, — мягко перебила Дарья. — Обещаю.

Он кивнул, и его лицо исчезло — видимо, передал телефон обратно маме.

— Денис звонил вчера, — снова заговорила Татьяна Петровна, и её голос стал другим — тем, которым она рассказывала о внучках. — Алиса вчера в садике стихи рассказывала, заняла первое место. Представляешь? В четыре года — и уже победительница. Вся в тебя.

— Она вся в себя, — улыбнулась Дарья. — У неё характер деда.

— У неё характер всей нашей семьи. А Варвара, младшая, уже ползает. По всей квартире, как маленький броневичок. Ничего не боится. Максим говорит, что она пойдёт в твой цирк, когда вырастет.

— Пусть идёт. Я буду болеть.

— Ты будешь рядом и будешь учить её жонглировать, как я учила тебя.

Дарья промолчала. Она не знала, будет ли рядом. Она вообще не знала, что будет через год, через пять, через десять. У неё был план, но планы имеют свойство рушиться. Она знала это по опыту.

— Ладно, мам, мне нужно собираться. Я позвоню.

— Позвони. И кота не забудь покормить. И не оставляй его одного в номере, он же будет нервничать.

— Я взяла его с собой, он будет со мной.

— Это правильно. Кот — он как ребёнок. Одного нельзя.

Дарья попрощалась, нажала отбой и посмотрела на Буся. Кот всё ещё сидел на подоконнике, но теперь он смотрел на неё не с презрением, а с чем-то, что Дарья называла «кошачьей заботой».

— Не переживай, — сказала она ему. — Две недели — и мы дома.

Она не знала, что домой они не вернутся.

Поприветствуем нашу главную героиню.

KRASNODAR

KRASNODA

Глава 2. Самолёт и чужие земли

В такси по пути в аэропорт Дарья смотрела на знакомые улицы Краснодара и думала о том, как странно устроена жизнь.

Вот она выросла на этой улице — Северной, 47. Здесь научилась ходить, говорить, читать. Здесь впервые вышла на сцену школьного театра с ролью Царевны-лягушки, забыла текст и сказала что-то своё, и зал смеялся, а учительница хвалила её за импровизацию. Здесь впервые влюбилась — в мальчика из параллельного класса с фамилией Смирнов и глазами цвета шоколада. Здесь впервые разбила сердце — ему, а не себе, потому что поняла, что не хочет быть чьей-то девушкой, хочет быть собой.

Вот цирковая студия на Ставропольской, куда её привела мама, потому что «ребёнок слишком активный, нужно направить энергию в мирное русло». Там она научилась жонглировать тремя мячами, стоять на руках, ходить по канату (низкому, конечно, но для десятилетней девочки и это было подвигом). Там она поняла, что её маленькое тело — не недостаток, а преимущество. Она была лёгкой, гибкой, быстрой. Она могла делать то, что не могли высокие и тяжёлые дети.

Вот музыкальная школа, куда её отдали «для общего развития», и где она вдруг обнаружила, что у неё есть голос. Не оперный, не эстрадный — какой-то свой, тёплый и глубокий, который заставлял людей замолкать и слушать. Она пела на всех школьных концертах, пела на свадьбе у старшего брата, пела в караоке с подругами, и каждый раз кто-нибудь говорил: «Тебе нужно на сцену». Но сцена — это нестабильно, это риск, это «а что ты будешь делать, если не выгорит?». И Дарья выбрала экономический.

Она не жалела. Экономический дал ей структуру, логику, понимание того, как работает мир. Рекламный факультет — творчество в рамках правил. Она научилась рассказывать истории, которые продают, и это было искусством, пусть и не таким, о котором она мечтала в детстве.

Вот её первая квартира — двушка в спальном районе, которую она купила в ипотеку и выплатила за семь лет. Маленькая, невзрачная, с кухней, где едва помещались двое, но своя. Первое место, где она была полноправной хозяйкой. Где она могла ходить голой, есть мороженое из банки и плакать под старые фильмы, если хотелось. Где Буся впервые переступил порог, обошёл все комнаты, фыркнул и устроился на её подушке, обозначив свою территорию.

Всё это было. И всё это оставалось там, за окном такси, которое везло её в аэропорт.

— Приехали, — сказал водитель, останавливаясь у терминала.

Дарья расплатилась, взяла чемодан, переноску с Бусей и вошла в здание аэропорта. Запах кофе, пластика и чужой суеты. Люди с чемоданами на колёсиках, бегущие к стойкам регистрации, объявления на русском и английском, дети, которые орут, и взрослые, которые делают вид, что не слышат.

— Паспорт, билет, — девушка на регистрации улыбнулась, увидев Буся в переноске. — Ой, какой красивый! Персидский?

— Да. Документы на перевозку у меня есть.

— Всё в порядке. У вас хороший рейс. Пересадка в Москве, потом прямой до Окленда. Кот будет с вами в салоне?

— Да. Он спокойный.

Буся, услышав слово «спокойный», издал громкое «мррр» и почесал лапой стенку переноски. Девушка засмеялась.

— Он у вас с характером.

— Есть немного.

В самолёте Дарья заняла место у окна. Буся в переноске стоял на коленях, и она время от времени просовывала палец через сетчатую стенку, чтобы он мог его кусать — его любимая игра, которая означала: «я здесь, я с тобой, всё хорошо».

Она смотрела в иллюминатор, когда самолёт начал разгоняться по взлётной полосе. Земля уходила из-под крыльев, дома становились меньше, улицы превращались в линии, город — в картинку на карте. Она любила это чувство — отрыва. Когда ты ещё здесь, но уже не здесь. Когда между тобой и землёй нет ничего, кроме воздуха и веры в то, что железная птица не упадёт.

В Москве была пересадка. Дарья успела выпить кофе, покормить Буся специальным кормом из дорожного набора и купить в дьюти-фри мамины духи и папину любимую бритву. Племянницам она решила купить подарки уже в Новой Зеландии — огромных плюшевых овец, потому что овцы — это Новая Зеландия, логично.

На рейсе до Окленда она сидела у окна, но смотреть было не на что — ночь, облака, редкие огоньки где-то далеко внизу. Она закрыла глаза и попыталась уснуть, но не могла. Мысли лезли в голову, как назойливые мухи.

Она думала о том, что в её жизни всё было правильно. Учёба, работа, квартира, кот. Она не искала приключений, не мечтала о порталах в другие миры, не ждала, что жизнь перевернётся. Она была человеком, который строит планы и следует им. И вот теперь она летит на другой конец света, чтобы сделать красивую рекламу для эко-гостиницы, и это единственное приключение, которое она себе позволила.

— Ты спишь? — спросила соседка слева, девушка лет двадцати пяти с азиатской внешностью и ярко-синими волосами.

— Нет.

— Я тоже не могу. Первый раз в Новой Зеландии?

— Да. А вы?

— Я там учусь. Возвращаюсь после каникул. Вы туристом?

— По работе. Нужно снять рекламу для одной гостиницы.

— Круто! А где гостиница?

— Недалеко от Роторуа. Там есть старые руины, местные считают их священными.

Соседка хмыкнула.

— Осторожнее с этими руинами. Маори говорят, что в тех местах порталы в другие миры.

— Вы верите в порталы? — улыбнулась Дарья.

— Я верю в то, что мир больше, чем мы о нём знаем. — Девушка посмотрела на неё серьёзно. — У нас в универе был профессор, который изучал эти места. Он говорил, что некоторые древние круги — это не просто камни. Они реагируют на людей. На их кровь. На их душу.

— И что с ним случилось?

— Исчез. Пять лет назад. Пошёл в одну из таких руин и не вернулся.

Дарья почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она хотела спросить что-то ещё, но соседка отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен.

— Портал в другой мир, — прошептала Дарья, глядя в темноту за иллюминатором. — Глупости.

Но почему-то эти слова не давали ей покоя всю оставшуюся дорогу.

Глава 3. Эко-гостиница и руины

Окленд встретил её дождём.

Дарья стояла у ленты выдачи багажа, вглядываясь в мутные окна аэропорта, за которыми серое небо смешивалось с серыми зданиями. Буся в переноске нервничал — запахи, люди,

громкие объявления на английском и маори действовали ему на нервы. Она сунула палец в отверстие переноски, кот вцепился в него зубами (не больно, просто для острастки) и затих.

— Мисс Дарья? — табличку с её именем держал мужчина маорийского происхождения — широкоплечий, с короткой стрижкой и спокойным лицом. — Я Тамати. Хозяин просил встретить.

— Дарья, — поправила она автоматически. — Очень приятно.

Тамати кивнул, взял её чемодан и повёл к выходу. Машина оказалась внушительным внедорожником, в багажнике которого было достаточно места для клетки. Буся, выпущенный из переноски, немедленно занял пассажирское сиденье и уставился на Тамати с выражением «вези, человек».

— Хороший кот, — сказал Тамати без улыбки. — Большой.

— Он просто пушистый, — ответила Дарья.

Они выехали из города, и пейзаж начал меняться. Окленд с его современными зданиями и портом остался позади, уступив место холмам, поросшим густой зеленью. Дорога вилась между фермами, где паслись овцы — сотни, тысячи овец, белых и пушистых на фоне изумрудной травы. Буся смотрел на них с презрением хищника, который понимает, что добыча слишком велика.

— Вы давно водите туристов к руинам? — спросила Дарья, чтобы нарушить молчание.

— Не вожу, — ответил Тамати. — Вожу к гостинице. К руинам хозяин сам возит. Я не хожу туда.

— Почему?

Тамати помолчал. Дорога пошла вверх, и внедорожник начал набирать высоту.

— Мои предки говорят, что это место табу. Там спит древняя сила. Проснётся — беда будет.

— Вы верите в это?

— Я верю в то, что некоторые двери лучше не открывать. Но хозяин платит, а я вожу.

Он замолчал, и Дарья не стала продолжать расспросы. Она смотрела в окно на холмы, которые становились всё круче, на леса, которые сгущались, на небо, которое становилось всё ниже. Где-то вдалеке дымили гейзеры, пахло серой и влажной землёй. Этот мир был красивым, но в его красоте было что-то тревожное — как в картине, где слишком много зелёного и не хватает воздуха.

Гостиница появилась через два часа. Это был комплекс из деревянных домиков на сваях, вписанный в склон холма так органично, что казалось, будто он вырос здесь сам. Каменные дорожки, заросшие мхом, панорамные окна с видом на долину, вертолётная площадка внизу. Всё было продумано, дорого и немного... неестественно. Как декорации к фильму, который пытается выглядеть реальнее жизни.

Хозяин, высокий блондин с австралийским акцентом по имени Брайан, встретил её на крыльце главного здания. Он был из тех людей, которые улыбаются слишком широко и пожимают руки слишком крепко — энтузиаст, которого богатство превратило в человека, привыкшего получать желаемое.

— Дарья! Из России! Я так рад, что вы приехали! — он говорил громко, жестикулируя. — Ваше портфолио — огонь! Та история с глэмпингом в горах — это было нечто! Я хочу такое же, но лучше! В десять раз лучше!

— Постараюсь не разочаровать, — улыбнулась Дарья.

Он провёл её по территории, показывая номера, спа-зону, ресторан с панорамным остеклением. Всё было действительно красиво, но Дарья чувствовала: чего-то не хватает. Души. Истории. Того самого «вау-эффекта», который нельзя купить за деньги.

— А руины? — спросила она, когда экскурсия подошла к концу.

Брайан оживился:

— Там в трёх километрах вверх по склону. Древнее городище, круг из камней. Местные говорят, что это портал в другой мир. Чушь, конечно, но туристам нравится. Я хочу сделать это частью маршрута: утренний треккинг к руинам, завтрак с видом, фотозона... Вы посмотрите, оцените, как лучше подать.

— Портал в другой мир, — повторила Дарья. — Звучит как отличный слоган.

— Вот-вот! Я знал, что вы поймёте!

Вечером она сидела на веранде своего домика, пила местное вино и смотрела, как солнце садится за холмы. Буся, успокоившийся после долгой дороги, лежал у неё на коленях и урчал. Воздух пах влажной землёй, мятой и чем-то ещё — сладковатым, неуловимым.

Она вспомнила слова соседки в самолёте: «Некоторые древние круги — это порталы». Вспомнила слова Тамати: «Некоторые двери лучше не открывать». Вспомнила, как мама говорила: «Не лезь, куда не надо».

— Глупости, — сказала она вслух. — Нет никаких порталов.

Буся открыл один глаз, посмотрел на неё с выражением «откуда ты знаешь?» и снова закрыл.

Она не спала до полуночи, думая о том, что будет делать, если руины окажутся неинтересными. Если они окажутся просто грудой камней без истории, без магии, без души. Она могла бы придумать легенду — это её работа, придумывать истории. Но хотелось, чтобы история была настоящей. Хотелось, чтобы в этом мире, на другом конце земли, было что-то, чего нет в её обычной, предсказуемой, распланированной жизни.

Она не знала, что её желание исполнится.

Глава 4. Портал

Утром Дарья проснулась рано. Солнце только начинало подниматься над холмами, воздух был холодным и прозрачным. Она оделась в белый теплый костюм, сверху накинула белую же шубу из искусственного меха — мама всё-таки оказалась права, в горах было прохладно — заплела волосы в толстую косу и усадила Бусильдорфа в прозрачный ранец-переноску.

— Идём смотреть руины и маршрут, — сказала она коту.

Тропа начиналась сразу за гостиницей. Сначала она шла через луг, поросший высокими травами, потом нырнула в редкий лес, а дальше пошла вверх по каменистому склону. Дарья шла легко — занятия в цирковой студии в детстве дали ей хорошую координацию, а тренировки в тренажёрном зале два раза в неделю поддерживали форму.

Буся в рюкзаке вертел головой, принюхивался и иногда издавал короткие вопросительные «мрр?». Воздух становился всё холоднее, трава уступала место мху и лишайнику, камни становились крупнее. Где-то вдалеке кричала птица, и её голос звучал не как обычно — протяжно, почти жалобно.

Дарья шла и думала о том, что этот маршрут можно сделать частью утренней программы. Туристы будут подниматься к руинам на рассвете, встречать солнце среди древних камней, слушать истории о порталах и других мирах. Можно поставить здесь скамейки, сделать навес для пикника, добавить аудиогид на нескольких языках. Она уже придумывала текст: «Добро пожаловать в место, где грань между мирами становится тоньше. Говорят, что в ясные дни здесь можно увидеть тени тех, кто прошёл сквозь портал много веков назад...»

Она так увлеклась своими мыслями, что почти не заметила, как тропа вывела её на плато.

Руины были именно такими, как описывал Брайан: круг из огромных камней, тёмно-зелёных, с прожилками кварца, поблёскивающими на утреннем солнце. Камни стояли не ровно, а под наклоном, будто их кто-то наклонил, пытаясь свалить. В центре круга лежала плоская плита, покрытая резьбой — спирали, зигзаги, фигуры, напоминающие одновременно людей и животных.

Дарья остановилась на краю круга, достала камеру и начала снимать. Она обошла круг по периметру, фиксируя каждый камень, каждую трещину, каждый завиток резьбы. Письмена были загадочными — не похожими ни на один из известных ей видов письменности. Где-то на периферии сознания мелькнула мысль: «Выглядит как магический круг из тех книжек, что я читала в шестнадцать». Но Дарья была взрослой женщиной, и взрослые женщины не верят в магические круги.

Буся завозился в рюкзаке, потом вдруг замер. Дарья почувствовала, как его тело напряглось, шерсть встала дыбом — она чувствовала это даже через пластик и ткань.

— Что с тобой? — она отступила от плиты, оглядываясь.

Ничего. Только камни, трава, небо.

— Тихо, дурашка, — она погладила прозрачную стенку. — Это просто старые камни.

Буся зарычал. Глухо, протяжно — так он рычал только на пылесос и на того соседского дога, который однажды облаял его из-за забора. Дарья нахмурилась. Кот никогда не рычал просто так. Если Буся чувствовал опасность, значит, опасность была.

— Ладно, сейчас посмотрим на плиту поближе и уйдём.

Она шагнула внутрь круга.

Сначала ничего не произошло. Дарья подошла к центральной плите, наклонилась, чтобы рассмотреть резьбу крупным планом. Фигуры на камне были странными — они не стояли на месте, а двигались, перетекали одна в другую, меняли форму. Дарья протёрла глаза, решив, что ей показалось. Но фигуры продолжали двигаться.

— Это оптическая иллюзия, — сказала она вслух, чтобы успокоить себя. — Свет падает под определённым углом, создавая эффект движения. Всё объяснимо.

Буся забился в рюкзаке, заорал — диким, паническим воплем, которого она никогда от него не слышала.

— Тихо, тихо...

Погода испортилась мгновенно. Так не бывает в нормальном мире, но это случилось — небо, ещё минуту назад ясное, затянуло тучами. Ветер взвыл, швыряя в лицо песок и мелкие камешки. Первые тяжёлые капли дождя упали на камни, и в том месте, куда они падали, письмена начинали слабо светиться.

— Нет, — сказала Дарья вслух. — Этого не может быть.

Она попятилась к выходу из круга, но ноги вдруг стали тяжёлыми, будто приросли к земле. Буся в рюкзаке продолжал орать, его голос перекрывал шум ветра.

— Всё хорошо, — она пыталась говорить спокойно, но голос дрожал. — Сейчас, сейчас...

Письмена на камнях засветились ярче. Зелёное, голубое, белое свечение залило весь круг. Дарья зажмурилась, закрыла лицо рукой. Свет проникал сквозь закрытые веки, пульсировал в такт её сердцу. Ветер превратился в ураган, швыряющий в лицо мелкие камешки и листья. Молния ударила в землю рядом — звук был такой, что заложило уши.

Вторая молния. Третья. Они били прямо в камни, и каждый удар заставлял письмена вспыхивать новой силой. Дарья открыла глаза и увидела, как трещина в центральной плите разошлась, и оттуда хлынул поток света — белый, плотный, как расплавленное стекло.

— Буся! — закричала она, прижимая рюкзак к груди.

Свет накрыл её, поднял в воздух. Она почувствовала, как тело разрывается на миллион кусочков, как сознание выворачивается наизнанку, как мир — её мир, знакомый, понятный, безопасный — исчезает.

В последний момент она услышала голос — не свой, не Бусин, не ветра. Голос был глубоким, древним, и он говорил на языке, которого она не знала, но почему-то понимала:

— Иди. Там тебя ждут.

А потом была только пустота.

Глава 5. Снег

Она пришла в себя от холода.

Холод был везде — он пробирался под шубу, за шиворот, в рукава, он кусал щёки и нос, он заставлял зубы выбивать дробь, которую невозможно было остановить. Дарья лежала на чём-то твёрдом и мокром. Снег. Она лежала в снегу.

— Буся, — её голос прозвучал чужим, хриплым шёпотом. — Буся!

Никто не ответил.

Она открыла глаза. Над ней было небо — низкое, серое, затянутое облаками, которые неслись так быстро, будто их кто-то гнал. Ни деревьев, ни кустов, ни камней — только бескрайнее белое поле, уходящее к тёмным горам на горизонте. Этих гор не было видно, когда она шла к руинам. В Новой Зеландии не было таких гор — острых, зубчатых, покрытых снежными шапками, похожих на застывшую бурю.

— Это сон, — сказала она вслух. Слова вылетали вместе с облачками пара. — У меня галлюцинации от удара молнии. Я в больнице. Сейчас проснусь.

Она не проснулась.

Дарья села, с трудом сгибая заледеневшие пальцы. Белый костюм промок насквозь, белая шуба превратилась в тяжёлую мокрую тряпку. Рюкзак-переноска был пристёгнут у неё на груди, но прозрачный пластик треснул, и внутри было пусто.

— Буся! — закричала она, и эхо отлетело от гор, насмешливо повторив последний слог. — Бусильдорф!

Ничего. Только ветер, снег и эти чёрные зубья на горизонте.

Слёзы замерзали на ресницах, превращая их в ледяные иголочки. Дарья заставила себя встать. Ноги утопали в снегу почти по щиколотку, промокшие кроссовки превратились в две ледяные колодки. Она сделала шаг, второй, третий. Нужно было двигаться. В любой книге, в любом фильме про выживание говорили одно: нельзя останавливаться, нельзя засыпать, нужно искать укрытие и людей.

Она выбрала направление к горам — там могли быть пещеры. Или лес, но леса не было видно. Были только снег, ветер и эти чёрные зубья вдалеке.

Она шла, проваливаясь в снег, спотыкаясь, падая, поднимаясь. Её маленькие ступни, тридцать пятого размера, были проклятием и здесь — они проваливались в снег глубже, чем нужно, заставляя её тратить больше сил на каждый шаг. Она думала о том, что в её мире она ненавидела эти ступни за то, что невозможно купить обувь в обычном магазине. А здесь она ненавидела их за то, что они не дают ей идти.

К вечеру первого дня она нашла выступ скалы, прижалась к нему спиной, подтянула колени к груди и натянула мокрую шубу поверх головы. Спать было нельзя. Она заставляла себя считать до ста, потом обратно. Потом вспоминала слова песен, которые учила в детстве в вокальной студии. «Ой, цветёт калина в поле у ручья...» — пела она мысленно, чтобы не замёрзнуть. Потом прокручивала в голове рекламные макеты, которые делала на прошлой неделе. Всё, что угодно, лишь бы не закрывать глаза.

Ночью кто-то выл в темноте. Не волк — звук был ниже, глубже, и в нём слышалось что-то нечеловеческое. Дарья прижималась к скале, сжимая в руке острый камень, и ждала рассвета.

Глава 6. Голод и холод

Второй день был хуже первого.

Холод пробрался внутрь, в кости, в кровь. Дарья больше не чувствовала пальцев на ногах, и это пугало её больше, чем монстры. Она знала, что обморожение — это серьёзно. В её мире она бы вызвала скорую, ей бы сделали уколы, перевязки, может быть, операцию. Здесь не было скорой. Здесь не было ничего.

Она шла, спотыкаясь, и думала о том, что это, наверное, самый глупый способ умереть: замёрзнуть в чужом мире, в снегах, куда её закинул какой-то древний портал, о котором она даже не знала, что он настоящий. Она представляла, как мама будет ждать её звонка, как отец будет проверять телефон каждые пять минут, как братья будут успокаивать родителей, говоря, что всё в порядке, наверное, просто нет связи.

— Нет связи, — прошептала она, и это было так смешно, что она чуть не заплакала. — Связи нет. Мира нет. Меня нет.

Она шла, и вдруг что-то упало перед ней в снег. Небольшой корень, похожий на морковку, только белый. Дарья подняла голову. Над ней, на ветке дерева, которого она не заметила, сидела птица. Необычная — с синим оперением и длинным хвостом. Птица посмотрела на неё, чирикнула и улетела.

Дарья посмотрела на корень. Он был чистым, будто его только что вымыли. Она подняла его, понюхала. Пахло землёй и чем-то сладковатым. Она не знала, съедобен он или нет. Но голод был сильнее страха.

Она откусила маленький кусочек. Корень оказался сочным, с привкусом моркови и сельдерея. Она съела его целиком и почувствовала, как силы понемногу возвращаются.

— Спасибо, — сказала она в пустоту, не зная, кому адресованы эти слова.

Через час она нашла под скалой ещё несколько кореньев, а рядом с ними — мёртвого зайца. Ещё тёплого, только что убитого. На снегу не было следов крови, не было следов хищника. Заяц просто лежал, как будто его положили туда специально.

Дарья смотрела на зайца и плакала. Она не могла его съесть. У неё не было ножа, не было спичек, не было ничего, чтобы разделать тушу и развести костёр. Она даже не могла снять с него шкуру. Она была городской девушкой, которая максимум что умела — это жарить яичницу и заказывать суши.

— Прости, — прошептала она зайцу. — Прости, что я такая бесполезная.

Она оставила зайца в снегу и пошла дальше.

Через час она услышала за спиной шорох. Обернулась — заяц исчез. А на том месте, где он лежал, стоял волк — огромный, серый, с жёлтыми глазами. Дарья замерла. Волк посмотрел на неё, развернулся и неторопливо ушёл в сторону гор.

— Ты его забрал? — спросила она вслух. — Ты его убил? Или… ты принёс его мне?

Волк не ответил.

Она шла дальше. Горы не приближались. Или приближались, но так медленно, что казались миражом. Снег начал идти с новой силой, и видимость упала почти до нуля. Дарья шла на ощупь, вытянув перед собой руки, и думала о том, что если она упадёт сейчас, то уже не встанет.

Она не упала. Она шла, пока не наткнулась на что-то твёрдое. Камень. Большой камень, за которым можно было укрыться от ветра. Она прижалась к нему спиной, подтянула колени к груди и закрыла глаза.

Когда она открыла их снова, рядом с ней лежала лепёшка. Пресная, чёрствая, но пахнущая хлебом. И деревянная фляга с водой.

Дарья посмотрела по сторонам. Никого. Только снег и ветер.

— Кто ты? — крикнула она в пустоту. — Кто мне помогает?
Тишина.
Она съела лепёшку, выпила воду и снова пошла.

Глава 7. Дым

На третий день она увидела дым.

Сначала она подумала, что у неё галлюцинации: тонкая серая нитка тянулась в небо из-за холма. Она уже столько раз принимала снежные вихри за фигуры, а ветер за голоса, что перестала себе верить. Вчера ей казалось, что она слышит Бусин мяук — жалобный, требовательный, совсем близко. Она обернулась, пробежала несколько метров в сторону, упала в сугроб и долго звала его, пока не охрипла. Это было всего лишь игрой истощённого разума.

Но дым был настоящим — она почувствовала его запах, горьковатый, живой, совсем не похожий на тот безликий холод, который окружал её последние два дня. От этого запаха что-то перевернулось в груди: не просто надежда, а почти уверенность, что она не умрёт здесь, в этом белом безмолвии. Она вспомнила, как в детстве мама топила печь в их доме в Краснодаре, когда отключали отопление. Такой же запах — дым, смешанный с морозом, — тогда казался ей самым уютным на свете. Сейчас он пах спасением.

Дарья побежала, спотыкаясь, падая, поднимаясь. Снег лепил в лицо, ноги проваливались в сугробы, но она бежала, потому что дым означал людей, а люди означали тепло, еду, спасение. Она не чувствовала боли в обмороженных пальцах, не замечала, как холодный ветер рвёт мокрую шубу. Внутри горел тот самый странный огонь, который заставлял людей ползти по пустыням и переплывать океаны — просто чтобы выжить.

«Только бы не опоздать, — стучало в висках. — Только бы они не ушли. Только бы это не был мираж».

Она знала, что миражи бывают не только в пустынях. В снегах тоже можно увидеть то, чего нет. Город, оазис, корабль — всё, что хочет нарисовать умирающий мозг. Но дым был слишком настоящим. И запах — слишком реальным.

За холмом оказалась долина, а в долине — дома. Дарья остановилась на вершине, пытаясь отдышаться, и просто смотрела. Ей хотелось плакать, но слёз не было — организм давно экономил каждую каплю воды.

Дома были небольшими, каменными, с соломенными крышами, покрытыми снегом. Дымоходы дымили ровно, спокойно, и в этом размеренном дыхании очагов было что-то такое древнее и правильное, что у Дарьи защипало в глазах. Она насчитала около двадцати строений, разбросанных по долине без видимого порядка. Между ними петляли тропинки, протоптанные в снегу. В центре стояло что-то вроде колодца, а рядом — большое дерево, голое, с раскидистыми ветвями, на котором висели лоскутки ткани. Белые, серые, синие — они трепетали на ветру, как флажки.

Между домами ходили люди. Обычные люди — в тёплой одежде, с вёдрами и корзинами, занятые своими делами. Кто-то нёс хворост, кто-то чинил забор, двое мужчин переговаривались у колодца. Женщина в сером платке вышла из одного дома, окликнула подростка, что-то сказала ему — тот кивнул и побежал куда-то в сторону, разбрызгивая снег.

Никакой техники. Никаких машин. Ни проводов, ни антенн, ни блестящих крыш. Всё выглядело так, будто она провалилась не в другой мир, а в прошлое — в Средневековье или ещё раньше. Но люди были настоящими. Живыми. Они дышали паром на морозе, их сапоги хрустели по снегу, их голоса — низкие, гортанные — звучали совсем рядом.

Дарья вдруг подумала: «А что, если они меня убьют? Что, если они никогда не видели чужаков и боятся? Что, если они примут меня за злого духа или ведьму?»

В её мире люди боялись незнакомцев. Боялись тех, кто выглядит иначе, говорит иначе, пахнет иначе. Она читала про племена, которые убивают чужаков на границе своих земель. Про народы, которые никогда не выходят из своих долин, потому что мир за горами кажется им проклятым.

Но выбора не было. Она могла остаться здесь и замёрзнуть. Или могла пойти к людям и рискнуть.

— Эй! — крикнула Дарья, и голос сорвался. Она прокашлялась, собрала остатки сил. — Помогите! Пожалуйста! Я не причиню вреда!

Она сделала ещё несколько шагов. Земля качнулась под ногами. Холод, голод и бессонница навалились разом, как тяжёлая волна после долгого затишья. В ушах зашумело — сначала тихо, потом всё громче, пока этот шум не превратился в сплошную стену звука, сквозь которую она с трудом различала собственное дыхание.

Она споткнулась о камень, упала лицом в снег и почувствовала, как сознание покидает её. Снег был мягким и почему-то тёплым — ей показалось, что она лежит на пуховой перине, а мама поправляет одеяло и шепчет: «Спи, дочка, завтра будет легче».

Она подумала: «Как странно. Снег не может быть тёплым. Значит, я умираю».

И почему-то эта мысль не испугала её. Было только жалко, что она не успела найти Буся. Не успела сказать маме, что любит её. Не успела сделать ту самую рекламу, которая должна была стать лучшей в её жизни.

В последний момент она увидела, как к ней бегут люди. Их было много — может быть, пять, может быть, десять. Она слышала их голоса, но слов разобрать не могла — они тонули в шуме в ушах, смешивались с ветром, таяли, как снежинки на ладони.

Кто-то перевернул её на спину. Чья-то рука — шершавая, сильная, пахнущая дымом и шерстью — прижалась к её лбу. Женщина в тёмном платке склонилась над ней, что-то быстро заговорила, и в её голосе Дарья уловила тревогу, но не испуг. Как будто эта женщина уже видела такое раньше. Как будто люди здесь падали с неба не в первый раз.

Другая рука — мягче, с длинными пальцами — нащупала пульс у неё на шее. Кто-то скинул с плеч тяжёлую шубу, кто-то накрыл её чем-то тёплым и колючим, пахнущим овчиной.

— Не спит, — сказала женщина в платке на языке, которого Дарья никогда не слышала. Но интонация была понятна без слов. — Жива. Горячая. Надо в дом.

— Откуда пришла? — спросил мужской голос.

— Не знаю. Потом спросим. Бери за ноги.

Дарью приподняли. Кто-то поддерживал голову. Её тошнило, но желудок был пуст, и судороги проходили беззвучно.

Она попыталась открыть глаза, но веки были тяжёлыми, как каменные плиты. В щелочку она увидела небо — низкое, серое, и чьи-то лица, нависающие сверху. У одного мужчины была странная татуировка на щеке — три вертикальные полосы, уходящие в волосы. У женщины в платке — огромные глаза, тёмные, как угли, и в их глубине горело что-то, похожее на сострадание.

Они говорили на языке, которого она никогда не слышала. Гортанные, певучие звуки, которые нельзя было спутать ни с английским, ни с русским, ни с маори. Этот язык был древним — она почувствовала это кожей, костями, каждой клеткой своего измученного тела.

Но перед тем, как провалиться в темноту, ей показалось, что кто-то — может быть, та самая женщина, может быть, кто-то другой — произнёс одно слово, очень похожее на русское «жить». Или на «жива». Или на что-то ещё, что должно было означать: «Не умирай. Ты не первая. Ты не одна».

А потом была только тишина.

Тёплая, тягучая, полная забытья. Дарья провалилась в неё, как в глубокий сон без сновидений — первый нормальный сон за последние три дня.

Она не слышала, как её несли через всю деревню, как скрипел снег под ногами спасителей, как скрипнула дверь, пропуская их внутрь дома. Не чувствовала, как её положили на что-то мягкое, укрыли несколькими одеялами, как кто-то разул её и охнул, увидев чёрные пальцы. Не знала, что женщина в платке — ту самую, которую позже назовут целительницей — всю

ночь просидела рядом, меняя примочки, вливая в рот тёплый отвар и шепча слова, которые в этом мире считались древнее любого портала.

Дарья спала. И впервые за долгое время ей ничего не снилось. Ни снег, ни волки, ни замерзающий Буся. Только тепло. Только темнота. Только странное, необъяснимое чувство, что она наконец-то там, где нужно.

Глава 8. Бред

Сознание возвращалось кусками, как обрывки старой плёнки, которые кто-то склеил в неправильном порядке.

Вот она лежит на чём-то мягком. Не снег. Не камень. Что-то тёплое, пушистое — меха. Много мехов. Они пахнут зверем и дымом, и этот запах почему-то успокаивает. Где-то совсем рядом потрескивает огонь — ровно, мирно, как в детстве, когда они с мамой ездили к бабушке в деревню и топили печь по-чёрному. Дарья хочет повернуться на звук, но тело не слушается. Оно тяжёлое, чужое, будто налитое свинцом.

Вот её куда-то несут. Много рук — сильных, грубых, но осторожных. Голоса над ней — громкие, испуганные, но она не понимает ни слова. Язык незнакомый, гортанный, с мягкими переливами, похожий на скрип снега под ногами и на шелест ветра в горах. Она пытается открыть глаза, но веки неподъёмные. Она пытается сказать: «Я жива, не бойтесь», — но из горла вырывается только слабый стон.

Кто-то гладит её по голове. Рука тёплая, шершавая, пахнет дымом и шерстью. Этот запах въедается в кожу, в волосы, в самую душу. Дарья вдруг понимает, что пахнет точно так же, как та самая шуба, в которой она пришла в этот мир, — только живой, настоящий, без синтетики и химии.

Вот она мечется на постели, простыни влажные от пота. Жар поднимается изнутри, выжигает всё на своём пути — мысли, воспоминания, саму способность чувствовать что-то, кроме огня. Кто-то прикладывает к её лбу прохладную ткань — запах трав, мяты, ромашки, чего-то ещё, горького и терпкого, от чего кружится голова. Ей вливают в рот тёплый отвар, и она давится, кашляет, но глотает, потому что где-то глубоко внутри организм понимает: это спасение.

Отвар горький, почти невыносимый, но после него жар отступает — ненадолго, на несколько минут, но этих минут хватает, чтобы провалиться в неглубокий сон без сновидений.

Вот она видит лицо. Женское, немолодое, с глубокими морщинами вокруг глаз и мягкой, печальной улыбкой. Женщина говорит что-то, гладит её по голове, и это прикосновение напоминает ей мамины руки. Такие же тёплые, такие же уверенные. Дарья хочет сказать «мама», но язык не слушается, и вместо слов выходит только хрип.

— Тише, тише, — говорит женщина на своём языке, и Дарья почему-то понимает интонацию — успокаивающую, заботливую, ту, которой мама утешала её, когда она падала с велосипеда в семь лет.

Пальцы женщины пробегают по её лицу — по лбу, по щекам, по губам — и останавливаются на шее, проверяя пульс. Женщина что-то тихо говорит кому-то за спиной, и её голос звучит встревоженно, но не панически. Как у врача, который видел и не такое.

— Кто она? — спрашивает мужской голос из темноты. — Откуда?

— Не знаю, — отвечает женщина. — Но она борется. Это уже много.

Вот снова темнота. И сны. Странные, яркие, невозможные сны.

Она летит над горами, и её волосы развеваются на ветру, становятся длинными-длинными, розовыми, как облака на закате. Под ней лежит мир — огромный, незнакомый, с городами из белого камня и лесами, где деревья выше небоскрёбов. Она видит короля на троне, видит битву, видит мальчика с печальными глазами, который зовёт её по имени.

— Дария, — говорит мальчик, и его голос звучит как колокольчик. — Ты пришла. Я ждал.

— Кто ты? — хочет спросить она, но не может.

— Я тот, кто тебя найдёт, — отвечает мальчик. — Когда ты проснёшься.

Он протягивает руку, и Дарья видит, что на его ладони лежит маленький белый корень — точь-в-точь такой же, какой она нашла в снегу в первый день. Только живой, с тонкими корешками и крошечным зелёным ростком на конце.

— Это твой ключ, — говорит мальчик. — Не теряй его.

Она хочет взять корень, но рука проходит сквозь него, как сквозь туман. Мальчик улыбается — грустно, по-взрослому — и исчезает, а вместе с ним исчезают горы, небо, весь этот странный мир, оставляя её одну в пустоте.

Вот она снова в комнате. Теперь она видит больше — каменные стены, сложенные из грубо обработанных валунов, тяжёлую деревянную мебель, очаг, в котором горит огонь. Пламя отбрасывает пляшущие тени на потолок, и Дарья какое-то время просто смотрит на них, не в силах отвести взгляд. Тени похожи на зверей — огромных, мохнатых, с длинными хвостами и ушами. Или это ей только кажется.

Рядом с её постелью стоит мужчина — высокий, даже очень высокий, с широкими плечами и седыми висками. Он одет в тёмный шерстяной камзол, на поясе — кинжал в простых кожаных ножнах. Он говорит с женщиной — той самой, с мягкой улыбкой, — и в его голосе слышится тревога, которую он пытается скрыть за напускным спокойствием.

— Магия не действует, — говорит он, и его голос низкий, раскатистый, как гром вдалеке. — Я пробовал. Моя сила не касается её.

— Может быть, она не отсюда, — отвечает женщина. Она сидит на табурете у изголовья, держит в руках миску с каким-то тёмным отваром. — Может быть, она из-за грани.

— Это невозможно. Никто не возвращался из-за грани. Никто.

— Никто не возвращался, — спокойно повторяет женщина. — Но она пришла.

Мужчина замолкает. Он смотрит на Дарью — пристально, изучающе, как смотрят на непонятный механизм, который неизвестно, работает или сломан. В его глазах нет злобы, но нет и тепла. Только настороженность. И что-то ещё — может быть, любопытство.

— Она не колдунья, — наконец говорит он. — Я не чувствую в ней магии. Вообще никакой. Как будто она пустая.

— Пустая? — переспрашивает женщина. — Этого не бывает.

— Бывает. Вот она.

Дарья хочет сказать, что она из Краснодара, что она обычный человек, что никакой магии у неё нет и быть не может, но язык не слушается. Она проваливается обратно в темноту, унося с собой обрывок их разговора и странное слово — «пустая».

Вот она слышит голос мальчика. Того самого, из сна. Он сидит у её постели, и его голос тихий, серьёзный — не по-детски серьёзный, как будто он прожил не десять лет, а все сорок.

— Я знаю, что ты меня слышишь, — говорит он. — Лекари говорят, что ты в бреду, но я вижу — ты здесь. Ты просто не можешь проснуться.

Он молчит какое-то время, и Дарья слышит только треск огня в камине да своё собственное дыхание — хриплое, неровное, как у загнанного зверя.

— Меня зовут Карл, — продолжает мальчик. — Мне десять лет. Я сын герцога Рейнхарда и герцогини Эльзы. Мы живём в Хельгруде, это северные земли Дримрута. Ты упала у ворот нашей деревни три дня назад. Ты была вся белая от снега, мы думали, ты умерла.

Он замолкает. Дарья слышит, как он шмыгает носом — то ли замёрз, то ли плачет.

— Но ты не умерла. Ты борешься. Я чувствую это.

Его голос становится ещё тише. Теперь он почти шепчет, и Дарье приходится напрягать слух, чтобы разобрать слова.

— Я чувствую многое, чего не должны чувствовать. Мать говорит, что это болезнь. Отец говорит, что это слабость. Но я чувствую тебя. Ты другая. Ты не такая, как все. Ты... светишься. Внутри. Как будто в тебе горит огонь, который никто не видит, кроме меня.

Маленькая рука ложится поверх её ладони. Пальцы у мальчика холодные и тонкие, как веточки. Дарья чувствует, как дрожит его рука.

— Я боюсь, — шепчет он. — Я боюсь, что ты умрёшь. Все умирают. Те, кто приходит из-за грани... они не выживают. Так говорит отец. Но я не хочу, чтобы ты умирала.

Дарья хочет открыть глаза, но не может. Она хочет сказать: «Я не умру, я сильная, я справлюсь», — но не может.

— Выздоравливай, — говорит мальчик. — Пожалуйста. Я буду каждое утро приходить. Каждый вечер. Я буду сидеть с тобой, пока ты не проснёшься.

Он убирает руку. Дарья слышит его шаги — лёгкие, почти неслышные — и скрип двери.

— Обещаю, — доносится уже из коридора.

И его голос исчезает.

Вот она снова в темноте. Но теперь темнота другая — не страшная, не пустая. В ней есть тепло, есть голоса, есть чьи-то руки, которые держат её за руку и не отпускают. Иногда эти руки пахнут травами — тогда они принадлежат герцогине Эльзе. Иногда — кожей и металлом — тогда это герцог Рейнхард приходит проверить, жива ли ещё странная чужестранка. Иногда — просто теплом и чем-то сладким, как детство, — тогда это Карл сидит у её постели и читает вслух книги, которых она не понимает, но голос мальчика успокаивает её, как колыбельная.

Она не знает, сколько прошло времени. Дни и ночи слились в одно бесконечное марево из жара, озноба и горьких отваров. Иногда она просыпается достаточно ясно, чтобы понять: она в доме. В настоящем доме, с каменными стенами, с тяжёлой деревянной мебелью, с очагом, в котором всегда горит огонь. На стенах висят гобелены — выцветшие, с изображениями охоты и битв. На окнах — тяжёлые ставни, закрытые от холода. В углу — сундук, окованный железом.

Этот мир пахнет иначе. Здесь нет бензина, пластика, дешёвых освежителей воздуха. Здесь пахнет дымом, шерстью, старой древесиной, мёдом и чем-то ещё — диким, первозданным, от чего перехватывает дыхание.

Рядом с её постелью всегда кто-то есть. Чаще всего — женщина с мягкой улыбкой, герцогиня Эльза. Она меняет повязки, поит отварами, поправляет одеяло и говорит что-то тихое, успокаивающее. Её руки умеют то, чего не умеют руки Дарьи — они чувствуют болезнь, знают, какие травы заварить, куда положить примочку, как повернуть больного, чтобы ему стало легче.

Иногда — мужчина, герцог Рейнхард. Он стоит в дверях, молчит, смотрит сурово и внимательно, а потом уходит так же бесшумно, как пришёл. Однажды — или это был сон? — Дарья почувствовала, как его тяжёлая ладонь легла на её лоб, и он прошептал что-то на своём языке. Не молитву — скорее приказ. Или заклинание.

Иногда — мальчик, Карл. Он сидит в углу, читает книгу или просто смотрит на неё, и в его взгляде есть что-то, чего Дарья не может понять даже сквозь пелену бреда. Он не похож на других детей — слишком серьёзный, слишком взрослый. Иногда он говорит с ней — о погоде, о снеге, о том, что скоро весна, и тогда можно будет собирать первые травы. Иногда он просто молчит, и в этом молчании есть что-то уютное, как в присутствии кота, который свернулся клубком у ног.

На четырнадцатый день жар спал.

Дарья открыла глаза и впервые за долгое время увидела мир чётко, без дрожи в руках и тумана в голове. Над ней был потолок — деревянный, с тёмными балками, покрытый копотью у очага. Справа горел камин, слева висел гобелен с изображением оленя и всадника с копьём. Пахло дымом, мятой и ещё чем-то сладким — мёдом, или сушёными яблоками, или тем и другим сразу.

Она попробовала пошевелиться. Тело слушалось плохо, но хотя бы не отказывало совсем. Пальцы на руках были — она увидела их, когда вытащила руку из-под одеяла. Обмотанные,

но все на месте. Ног она не чувствовала, но это был не тот ледяной ужас, когда кажется, что их отняли, — скорее простое онемение, как после долгого сидения в неудобной позе.

— Очнулась, — сказал кто-то рядом.

Дарья повернула голову. В кресле у камина сидела герцогиня Эльза. Вязала что-то из тёмной шерсти — длинное, широкое, похожее на шарф. Её руки двигались ровно, мерно, спицы постукивали друг о друга, и этот звук был таким домашним, таким обычным, что Дарья вдруг заплакала.

Беззвучно. Просто слёзы потекли из глаз, скатываясь по вискам в волосы.

Эльза отложила вязание, подошла к постели, села на край. Она ничего не сказала — просто взяла Дарью за руку и погладила по тыльной стороне ладони большим пальцем. Так же, как мама гладила её, когда она болела в детстве.

— Добро пожаловать, — тихо сказала герцогиня на своём языке. — Ты в безопасности.

И Дарья почему-то поняла каждое слово.

Она хотела ответить. Хотела спросить про Буся, про то, где она, про этот странный мир и про мальчика, который видел во сне. Хотела сказать спасибо. Хотела спросить, почему она понимает этот язык, которого никогда раньше не слышала.

Но тело оказалось слабее желания.

Глаза закрылись сами собой. Рука, которую держала Эльза, безвольно обмякла. Дыхание стало ровным и глубоким — не тем хриплым, больным дыханием последних дней, а настоящим, целительным сном, в котором организм восстанавливает то, что было сломано.

Эльза посидела ещё немного, поправила одеяло, коснулась пальцами лба Дарьи — жар не вернулся. Потом встала, подбросила дров в камин и бесшумно вышла из комнаты, притворив за собой тяжёлую дубовую дверь.

Дарья спала. И в этом сне не было ни порталов, ни мальчиков с печальными глазами, ни летающих над горами розовых волос. Был только покой — тёмный, тёплый, похожий на материнскую утробу, из которой когда-то давно она вышла в мир.

В этот раз она не боролась. Она просто отдыхала.

Глава 9. Пробуждение

Первое, что она увидела, был потолок. Тёмное дерево, тяжёлые балки, между ними — побеленные доски. На потолке висела люстра из оленьих рогов с толстыми свечами — они не горели, но пахли воском и дымом. Дарья смотрела на эти балки несколько долгих секунд, пытаясь понять, где она. Память возвращалась медленно, неохотно, будто перебирала старые фотографии в промокшем альбоме.

Она лежала в большой кровати с балдахином из тёмного дерева и тяжёлой шерстяной ткани. Балдахин был задёрнут, создавая вокруг неё уютный полумрак — такой, какой бывает в детстве, когда мама разрешает поспать подольше. На окнах — плотные шторы, на полу — меха. В углу тлел камин, наполняя комнату теплом и запахом дыма. Рядом с кроватью на столике стояла кружка с отваром, кувшин с водой и свеча в высоком подсвечнике.

Дарья прислушалась к себе. Тело было слабым — таким слабым, каким она не помнила себя никогда. Даже после тяжёлой простуды или изнурительной командировки не было этого ощущения полной опустошённости. Каждое движение давалось с трудом. Она поняла, что лежит здесь давно — не один день и не два. Мышцы успели отвыкнуть от нагрузки, суставы ныли от неподвижности.

Она приподнялась на локтях и с удивлением обнаружила, что её волосы... стали длинными. Очень длинными. Розовая прядь упала на плечо и потянулась дальше, почти до пояса. Она потрогала их — мягкие, чистые, будто их только что вымыли. Пальцы утонули в шелковистой массе, и Дарья вдруг поняла, что никогда в жизни не носила таких длинных волос. В её мире она стриглась коротко — удобно, практично, не надо возиться по утрам. Кто-то заботился о ней всё это время. Кто-то расчёсывал её волосы, перевязывал царапины, менял повязки. Эта мысль была одновременно пугающей и трогательной.

Она посмотрела на свои руки. Пальцы были целы, хотя она помнила, как они немели от холода, как превращались в белые, негнущиеся палки. Кто-то лечил их. Кто-то мазал мазями, бинтовал, растирал. На ладонях виднелись зажившие царапины — там, где она падала на камни. Её белый костюм исчез, вместо него на ней была длинная рубашка из грубого льна — мягкая и тёплая, пахнущая травами и чем-то неуловимо домашним. Рубашка была велика ей — рукава пришлось закатать несколько раз, а подол подоткнуть. Это была чужая одежда, и Дарья вдруг остро почувствовала, как далеко она от дома.

Она провела рукой по лицу. Кожа была чистой, без следов грязи и крови. Кто-то мыл её. Кто-то вытирал ей лицо, пока она была без сознания. Кто-то сидел рядом, возможно, целыми ночами. Горло сжалось от этой мысли. Она не знала этих людей. Они не знали её. Но они спасли ей жизнь.

— Буся, — прошептала она, и голос прозвучал хрипло, как у старой вороны. Горло саднило — то ли от долгого молчания, то ли от того, что во сне она кричала.

Никто не ответил.

Она оглядела комнату. Кота не было. Рюкзака-переноски не было. Ничего из того, что принесло её сюда, — только чужие вещи, чужой дом, чужой мир. Тишина стояла такая плотная, что можно было резать ножом. Только дрова потрескивали в камине да где-то далеко за стеной слышались приглушённые голоса.

— Буся... — повторила она громче, и в голосе прорезалась паника.

Она попыталась сесть прямо. Голова закружилась сразу — резко, обжигающе, будто кто-то включил центрифугу. Перед глазами поплыли тёмные круги, к горлу подступила тошнота. Дарья замерла, боясь пошевелиться, и через минуту кружение начало затихать. Всё это время она сжимала край одеяла побелевшими пальцами, боясь, что сознание снова ускользнёт.

Дверь скрипнула, и в комнату вошла женщина. Та самая, с мягкой улыбкой. Увидев, что Дарья сидит, она остановилась на пороге, и её лицо озарилось такой радостью, что у Дарьи защипало в глазах. Женщина была одета в тёмно-серое шерстяное платье, повязанное фартуком из грубой ткани. Её руки были в муке — видимо, она готовила хлеб, когда услышала, что больная очнулась.

— Дария, — сказала женщина, подходя к кровати. Она протянула руку и коснулась лба Дарьи — ладонь была сухой и тёплой, пахла тестом и чем-то сладким. — Жар ушёл. Хорошо.

Дарья заметила, что женщина назвала её не Дарьей, а Дарией. Может быть, так звучало её имя на этом языке? Или она просто не расслышала правильно в тот момент, когда Дарья падала в снег?

— Вы... — Дарья запнулась. Язык был ватным, губы пересохшими. Она облизнула их — солёный вкус, привкус чего-то травяного. Она хотела спросить, кто эта женщина, где она находится, где её кот, но слова путались, и вместо связной речи получались обрывки. — Я... где... кот... Буся...

Голос дрожал. Дарья ненавидела себя за эту дрожь — она всегда была сильной, всегда держала лицо, даже когда внутри всё рушилось. Но сейчас не могла ничего с собой поделать. Слишком много всего навалилось. Слишком долго она была одна в темноте.

Женщина нахмурилась, не понимая. Она что-то сказала — быстро, взволнованно — и позвала кого-то. Через минуту в комнату вошли двое: мужчина, которого Дарья видела мельком в бреду, и мальчик.

Дарья перевела взгляд на мужчину. Он был высок, даже очень высок — под два метра, с широкими плечами и суровым, изрезанным морщинами лицом. Его волосы, когда-то светлые, теперь были почти белыми, но глаза — тёмно-серые, почти чёрные — смотрели остро и внимательно. Он был одет в тёмный камзол, расшитый серебром, и высокие сапоги, начищенные до тусклого блеска. В нём чувствовалась военная выправка, привычка повелевать и ответственность, которая с годами превратилась во вторую натуру. От него исходила сила — не та, показная, которой пугают, а настоящая, спокойная, как у человека, который не раз смотрел смерти в глаза и не моргнул.

Он посмотрел на неё, и Дарья невольно напряглась. Но в его взгляде не было угрозы — только настороженность. И ещё что-то, похожее на усталость, как у человека, который долго нёс тяжёлый груз и не знает, когда сможет его опустить.

Потом Дарья перевела взгляд на мальчика. Он был полной противоположностью отцу — худой, бледный, с тёмными кругами под глазами и взглядом слишком серьёзным для ребёнка. Ему можно было дать лет десять-одиннадцать, но в его осанке, в том, как он держал руки за спиной, чувствовалось что-то взрослое, почти стариковское. Его кожа была такой бледной, что на ней проступали голубые прожилки вен на висках. На нём был тёмно-синий сюрко, расшитый мелкими серебряными звёздами, и тонкая цепочка на шее с каким-то кулоном в виде волка или собаки — Дарья не разглядела точно, но металл тускло блеснул в свете камина.

Мальчик посмотрел на Дарью, и она узнала его. Это был тот самый голос из бреда. Тот, который сказал: «Ты светишься». Он смотрел на неё без страха, без любопытства — с каким-то странным узнаванием, будто ждал её появления всю свою короткую жизнь. Его глаза — тёмно-карие, почти чёрные — не отрывались от её лица, и под этим взглядом Дарье стало одновременно тепло и не по себе. Словно он видел в ней то, чего не видели другие. Словно он знал о ней что-то, чего не знала она сама.

— Здравствуйте, — сказала Дарья, и все трое переглянулись.

Её голос прозвучал тихо, почти шёпотом. Она прокашлялась, попробовала снова — вышло немногим лучше. Горло саднило, будто она наелась песка.

Мужчина произнёс что-то — голос низкий, раскатистый, как камнепад в горах, — и в его интонации слышался вопрос. Он обращался к жене, но смотрел при этом на Дарью —

оценивающе, как смотрят на лошадь перед покупкой. Не грубо, а деловито. Женщина ответила, жестом показывая на Дарью, и её голос звучал мягко, но настойчиво, будто она просила мужа не пугать больную и дать ей время прийти в себя.

Мальчик молчал, но смотрел — с таким пристальным вниманием, будто видел перед собой не человека, а загадку, которую нужно разгадать. Его пальцы теребили цепочку на шее — нервное движение, которое он, казалось, не замечал.

Дарья поняла, что объяснять придётся долго. И что её жизнь только что разделилась на «до» и «после». Она посмотрела на свои руки, сжимающие край одеяла. Тонкие, бледные, с обкусанными ногтями — городские руки, никогда не знавшие настоящего труда. Руки человека, который умел только придумывать красивые истории, но не умел выживать. И эти руки дрожали — мелко, противно, неудержимо.

Она снова посмотрела на свои волосы — длинные, розовые, совсем не такие, как у этих людей. На фоне тёмного дерева и суровых шерстяных тканей они казались чем-то чужим, неправильным, как одуванчик на асфальте. Она посмотрела на свою одежду — чужую, пахнущую этим миром, на повязки на пальцах — аккуратные, заботливые. И вдруг почувствовала, как что-то тяжёлое и острое поднимается из груди к горлу. Не страх. Не боль. Одиночество. Огромное, всепоглощающее одиночество человека, который оказался на чужой планете, среди чужих людей, без кота, без вещей, без возможности вернуться.

— Я не понимаю, — сказала она вслух, и голос дрогнул. — Я ничего не понимаю.

Слёзы не пришли. Она была слишком слаба даже для слёз. Только сухие рыдания сотрясали плечи, без звука, без облегчения.

Женщина, должно быть, услышала эту дрожь или увидела, как напряглись плечи Дарьи. Она села на край кровати — осторожно, чтобы не потревожить больную — взяла Дарью за руку и погладила её ладонь большим пальцем. Так же, как тогда, в бреду. Так же, как когда-то делала мама. Её руки были шершавыми, с мозолями от постоянной работы, но в этом прикосновении было столько тепла, что Дарья почувствовала, как напряжение начинает понемногу отпускать.

— Тише, — сказала женщина на своём языке. — Тише, девочка. Ты жива. Всё остальное приложится.

Она не понимала слов. Но тон, но это поглаживание, но то, как женщина смотрела на неё — не как на чудовище, не как на загадку, а как на дочь, которая вернулась домой после долгой болезни, — говорило больше любых переводов.

Мужчина хмыкнул, развернулся и вышел. Сапоги застучали по каменному полу — тяжело, мерно, удаляясь. Дарья не поняла, обиделся он или просто решил не мешать. Мальчик остался. Он стоял у дверного косяка, прислонившись плечом к дереву, и продолжал смотреть. В его глазах что-то изменилось — настороженность уступила место мягкой, детской жалости. Такой, от которой хочется плакать ещё сильнее.

Женщина что-то тихо сказала мальчику. Тот кивнул, но не ушёл. Тогда женщина вздохнула, покачала головой и снова повернулась к Дарье.

— Еда, — сказала она, показывая жестом на рот. — Тебе нужно есть. Сейчас.

Она встала и вышла, оставив Дарью наедине с мальчиком.

Дарья не поняла слов. Но поняла всё.

Семья Герцога.

Глава 10. Первый разговор

Она не знала, сколько времени прошло с того момента, как она открыла глаза. Может быть, час. Может быть, три. Время здесь текло иначе — не так, как в её мире, где каждая минута была на счету, где дедлайны горели красным, а телефон разрывался от уведомлений. Здесь, в этой комнате с каменными стенами и тлеющим камином, оно растягивалось, как тягучий мёд, и Дарья никак не могла поймать его ритм. Не было часов. Не было телефона. Только огонь, который медленно пожирал дрова, и тени, которые плясали на потолке.

Она сидела в кровати, прислонившись к подушкам — высоким, пуховым, пахнущим сушёной лавандой и чем-то ещё, неуловимо домашним, — и смотрела на трёх людей, которые стояли перед ней с одинаковым выражением: настороженным ожиданием. Они не знали, чего ждать от неё. Она не знала, чего ждать от них. Эта взаимная неопределённость висела в воздухе, как туман над болотом, — плотная, почти осязаемая, и Дарья чувствовала, как от неё покалывает кожу на руках.

Она изучала их лица. Герцогиня — мягкая, с добрыми глазами и глубокими морщинами, которые появляются у тех, кто много улыбается и много тревожится. Её руки, лежащие поверх фартука, были в муке — значит, она бросила стряпню, когда узнала, что больная очнулась. Герцог — суровый, с лицом, вырезанным из скалы, и седыми висками, которые говорили о возрасте или о тяжёлой жизни. Его камзол был расшит серебром, но неброско — северная сдержанность вместо южной пышности. И мальчик. Карл. Он стоял чуть позади родителей, сложив руки на груди, и смотрел на неё в упор. Не моргая. Не отводя взгляда. В его глазах не было детского любопытства — была тихая, спокойная уверенность человека, который уже всё понял и теперь просто ждёт подтверждения.

Он был не похож на детей, которых Дарья знала. Племянницы — весёлые, шумные, вечно бегающие и что-то ломающие — были воплощением жизни. А этот мальчик казался застывшим. Как будто внутри него горел холодный огонь, который сжигал детство, оставляя только тихую, не по годам тяжёлую мудрость.

Дарья отвела взгляд. Ей стало не по себе.

Герцогиня — Дарья уже поняла, что эта женщина — хозяйка дома — села на край кровати и взяла её за руку. Ладонь была тёплой, сухой, с мозолями на пальцах — руки женщины, которая не боится работы. Не холёные руки аристократки из её мира, которые только и умеют, что листать глянцевые журналы да выбирать сумки под цвет туфель. Настоящие руки. Живые. Такими руками можно и хлеб месить, и ребёнка укачивать, и рану перевязать.

От этого прикосновения Дарья вдруг почувствовала, как к горлу подступает ком. Она не плакала с того момента, как очнулась в снегу. Слёз не было — только сухая, выматывающая пустота. Но сейчас, когда тёплая ладонь лежала на её холодных пальцах, пустота начала заполняться чем-то тяжёлым и горьким.

— Ты, — сказала герцогиня медленно, разделяя слова, будто говорила с ребёнком или с иностранкой, — Дария?

— Да, — кивнула Дарья. Голос всё ещё был хриплым, но уже не таким, как утром. Она откашлялась, прикрывая рот кулаком, и продолжила: — Меня зовут Дарья. Но вы говорите... Дария.

На своём языке она звучала иначе. Твёрже, что ли. А здесь, в этом мягком, певучем наречии, её имя обретало новые оттенки, становилось почти неузнаваемым, как отражение в мутной воде.

— Дария, — повторила герцогиня, и в её произношении это имя звучало как ласка. — Я Эльза. Это мой муж, Рейнхард. Это наш сын, Карл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.